

Глава 14. Интересы личности, государства и общества в массовом восприятии населения

Аникин В.А.

Сегодня России вошла в очень значимую для нее фазу развития. Это не только время уникальных исторических событий в новейшей истории нашей страны, но также вхождение в зону новых рисков и испытание «русского проекта» на прочность. Социально-экономическая и внешнеполитическая турбулентность, сопровождающая события последнего времени, накладывает особые требования к прочности национальной ценностно-нормативной системы. Как было показано в предыдущих главах данной книги, сложная экономическая ситуация в стране обнажила целый ряд и без того болезненных для российского общества вопросов.

Насколько этот процесс затронул коренные вопросы мировоззрения россиян, характерных для них представлений о взаимоотношениях человека и общества, проблемах личной свободы, роли государства и т.п.? Усиливает ли текущая ситуация желание возродить элементы традиционного русского мировоззрения или наоборот – потребность в сближении с Западом? Готовы ли россияне поступиться личными интересами ради общественных? Как они реагируют на нарушение своих интересов и прав? Насколько болезненно они воспринимают «структурное насилие» коррумпированной власти и безнаказанность работодателей, нарушающих их базовые трудовые права, и выражают ли в связи с этим готовность к применению насилия для разрешения конфликтов? Этим и другим вопросам и посвящена данная глава.

Несмотря на то, что собственно научные методы поиска ответа на подобные вопросы сформировались относительно недавно (в конце XIX-начале XX века), диалектика интересов личности и общества, а значит и попытки осмысления этой диалектики, причем как художественно-образного, так рационально-формального, известны человечеству очень давно, еще со времен античной философии. В России осмысление отношений индивида и общества органично вписалось в традиционный спор между западниками и славянофилами, который развивался из разного понимания государства, его функций и границ его власти, а также вопросов об отношениях государства с его гражданами и отдельных индивидов – с обществом.

В западной традиции государство рисуется как нечто внешнее и даже разрушительное по отношению к своим гражданам, к свободам и интересам личности. Ярким образом такого понимания государства стал Левиафан в работах Дж. Гоббса. В такой модели государство отделяется от общества и даже ему противопоставляется, в то время как общество воспринимается в качестве коллективного выразителя интересов отдельных личностей или их групп.

Однако, как показывают результаты исследований последних лет, такая модель восприятия государства, общества и личности не привлекает большинство россиян и не соответствует их представлениям «о должном». Восприятие большинства из них укладывается в другую логику – логику ценностно-нормативной системы, характерной для обществ «неоэтакра-

тического» типа¹, отражаемую обычно в позиции славянофильства. В рамках такой системы общество отождествляется с государством и страной², интересы которых ставятся выше интересов отдельной личности. Более того, оно нередко наделяется антропоморфными чертами, как правило женскими³, что в избытке встречается в отечественном фольклоре и народных образах. В русской культуре даже сложилось отдельное понятие – «Держава». Это не государство-партнер, с которым выстраиваются контрактные отношения на основе писанного права (Дж. Локк), а скорее могучая «Родина-мать», отношения с которой иррациональны и зиждутся на сакральном чувстве любви и готовности к самопожертвованию, а также на ожидании ответной любви и справедливости, чем на расчете и личной выгоде. Так, за «Державу» может быть «обидно», в нее можно «верить», ее нужно «любить», за нее может быть «больно» и «стыдно»⁴, но «продать» Родину сродни самому постыдному поступку. Отсюда особое понимание патриотизма, которое в такой ценностно-нормативной модели проявляется не столько как взвешенная система взглядов или рационально выработанная идеологическая позиция, сколько как система чувств, и поэтому российская версия патриотизма предстает бескомпромиссной, жертвенной и безусловной, хотя, одновременно, и критической по отношению к своей «Родине-матери».

О том, что в России сложилось «державное» восприятие общества, и это восприятие является всеобщим, красноречиво свидетельствуют многие данные, часть из которых приведена на рисунке 4.1.1. Как видно из этого рисунка, подавляющее большинство российского населения (88%) осенью 2015 г. считало, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, а 84% ощущали близость с гражданами России как «мы-группой». При этом кризис практически не повлиял на идентичность россиян, хотя и способствовал росту «частного интереса» в противовес «общему».

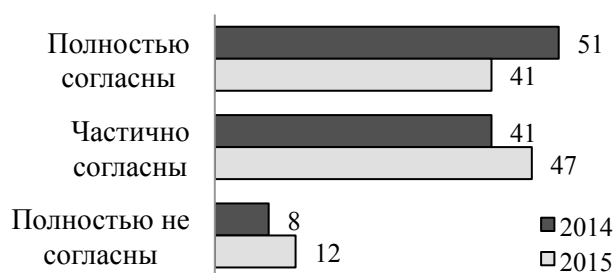
¹ Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995-2010 годы // *Общественные науки и современность*. 2011. № 4; Шкартан О.И. Становление постсоветского неозакратизма // *Общественные науки и современность*. 2009. № 1.

² Поэтому для характеристики такого типа социума социологи часто прибегают к понятию макрообщности. Мы будем также придерживаться этой традиции.

³ Вспомним, например, в этой связи понятие «Родины-матери». В то же время культ сильной власти, державности и нации на макроуровне практически всегда сочетается на микроуровне с культом агрессивной маскулинности (см., например, Кон И.С. Маскулинные и фемининные культуры. Интерлюдия / в кн.: Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время. 2009), традиционно сильного в России. И все же, если говорить о макроуровне, то данные исследований говорят о преобладании в российской культуре феминных свойств (*Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. 2nd ed. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001; Бурукина О.А. Феминность русского языка и культуры // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс. 2000. Вып. 14) и имманентности для нее женского начала (например: *Hubbs J. Mother Russia*. – Bloomington: Indiana UP, 1988 и др.).

⁴ Богатый материал, иллюстрирующий отношение русского человека к государству, дает русская литература. Так, В.В. Розанов пишет: «Счастливую и великую родину любить – не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от нее...» (*Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый*. – Петроград, 1913. С. 83).

А) Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, %

Б) В какой степени респондентам близка формула «мы – граждане России», %

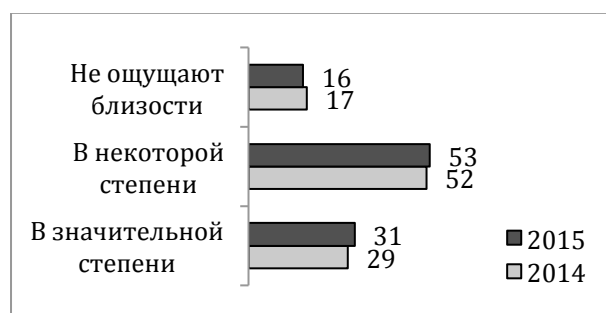

Рис. 4.1.1. Динамика представлений россиян о роли макрообщностей, 2014-2015 гг., %

Нормы той модели общества, согласно которым интересы макрообщности оказываются важнее интересов личности, характерны для всех социально-экономических групп российского общества, без ярко выраженной локализации их в каких-то отдельных точках. Это говорит о том, что носителем державного понимания места общества и державной версии патриотизма является подавляющее большинство российского населения, а отнюдь не «периферийный контингент», как это принято думать в некоторых интеллектуальных кругах⁵.

Ощущение «державы» строится у россиян на чувстве общности друг с другом как представителей единого целого, существование которого основано на единстве взглядов на жизнь, норм и ценностей. Причем эта макрообщность, по мнению большинства россиян, не вполне европейская – именно идентичность с европейцами является для них наименее популярной из всех представленных на рисунке 4.1.2. Более того, 75% россиян с уверенностью относят Россию к «особой цивилизации, в которой никогда не привьется западный образ жизни». И хотя в такой оценке присутствует компонент негативного отношения к правилам развития западной цивилизации, активно проявивший себя в последнее время, вера в цивилизационную уникальность России состоит не столько из реакции на действия западных стран и последние события, с ними связанные, сколько из глубинного понимания особого пути развития нашей страны. Так, даже в наиболее спокойные с точки зрения негативных воздействий с Запада годы (например, в 2006 и 2013 гг.) уровень поддержки идеи о том, что Россия является особой цивилизацией, в которой никогда не привьется западный образ жизни, тоже был достаточно высок и охватывал порядка 62-66% российского населения. Даже в 1996 году, в период эйфории по поводу сближения России и Запада, 58% россиян соглашались с тем, что России не следует «идти по пути развитых стран Запада»⁶. Таким образом, понимание России как особой цивилизации является устойчиво воспроизводящейся из года в год отличительной особенностью русского национального самосознания.

⁵ Гудков Л., Дубин Б. Конец 90 х годов: затухание образцов // Мониторинг общественного мнения. № 1 (51). 2001.

⁶ Данные работы: Гудков Л. Негативная идентичность. – М.: Новое литературное обозрение. 2004.

Рис. 4.1.2. Особенности «мы-идентичностей» россиян (с кем они ощущают общность), 2015 г., %⁷

Сложившееся у россиян восприятие своей страны как «Державы» не исключает при этом «мы-идентичностей», сближающих россиян с жителями европейских стран, что подтверждает гипотезу о *двойственности российской идентичности*. Однако в данном случае *эта двойственность проявляется не в социокультурном делении общества на «модернистов» и «традиционалистов», как это принято считать⁸, и даже не в существовании ценностного большинства и ценностного меньшинства, а в параллельном сосуществовании в коллективном сознании россиян индивидуальных и групповых ценностей, с одной стороны, и идентичностей макроуровня – с другой*. Например, 89% россиян в той или иной степени ассоциируют себя с людьми той же профессии и занятия, что является нормой для западных стран, особенно для немецкого общества. Идентичность со средним классом в России наблюдается у 69% населения – эта идентичность также очень популярна в странах Западной Европы. Схожесть взглядов на жизнь, а также общность пристрастий и увлечений является при этом основой для «мы-идентичностей» у 92-90% россиян, а идентичность с гражданами России характерна для 84% из них. Это показывает, *что по целому ряду важнейших параметров своего образа «Я» российское население, при определенной специфике, оказывается очень близко к странам Западной Европы, что свидетельствует не о социокультурном расколе между российской и западной цивилизациями, а скорее о возможности для национальной ценностно-нормативной системы успешного ее сосуществования с западной культурой*.

Однако из такого дуализма вытекают серьезные последствия для власти, особенно если самовосприятие существенно расходится с реальностью, как при «мы-идентичностях» со средним классом. Наши расчеты показывают, что 36% населения, три четверти которых явля-

⁷ Респондентам задавался следующий вопрос: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком Вы могли бы сказать: «Это – Мы?»».

⁸ См. *Холодковский К.Г.* Двойственность российской идентичности // *Полития*. 2011. № 1. С. 85-97.

ются рабочими, не принимает своего реального положения в обществе, относя себя к среднему классу. Проблема в том, что такое расхождение сконструированной классовой идентичности и реально занимаемого положения несет в себе определенный конфликтный потенциал (с легитимностью применения насилия) по отношению к чиновникам и богатым, оказывающимся в общественном мнении ответственными за расхождения ожиданий и реальности. Так, среди населения, которое в средний класс не попадает, но при этом себя к нему относит, доля россиян, лояльных к насильственному решению конфликтов, составляет 53%, уровень конфликтного восприятия отношений между богатыми и бедными – 41%, а между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, – 27%, что, как будет показано ниже, заметно больше, чем по стране в целом.

Впрочем, при переходе дисбаланса между самооценками и реальностью в форму противоречия между ожиданиями и запросами, с одной стороны, и реальным статусным положением, с другой, ситуация обостряется еще больше. Так, конфликтное восприятие отношений между властью и народом более всего характерно для россиян, которые не входят, по их мнению, в средний класс, т.е. осознают свое относительно менее статусное положение (36%).

Таким образом, *если в первом случае, при расхождении сконструированной классовой идентичности и реально занимаемого положения, население склонно более враждебно воспринимать группы, которые в его глазах ответственны за низкий статус тех, кто заслуживает большего, то во втором случае россияне, не считающие себя представителями среднего класса, сомневаются в легитимности самой власти как гаранта благополучия «Державы» в силу неспособности этой власти обеспечить справедливость на рынке труда и соответствующего расклада своих жизненных шансов. Это связано с тем, что в рамках державной модели общества перспектива реализации фундаментальных интересов разных классов связывается населением не столько с классовой борьбой, сколько с действиями власти и ассоциированных с ней групп по обеспечению равенства шансов и индивидуальных прав представителей российского населения.*

Важно понимать, что «державное» восприятие общества отнюдь не означает поддержки тоталитаризма и отрицания права личности на защиту своих интересов, а также отстаивания своего мнения – 96% россиян считают, что человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения, и 89% российских граждан открыто заявляют о праве человека на активную борьбу за свои интересы посредством забастовок и демонстраций, если, конечно, эта борьба не нарушает общественный порядок. Как видим, *справедливое воплощение державной модели в глазах населения должно учитывать интересы, мнение и позицию каждого россиянина в отдельности, а если они не учитываются, то граждане имеют право за них бороться.* Это именно та черта русского национального сознания, которую трудно понять, применяя западные классификации и расхожий миф о коллективистской природе души русского человека. Такая модель не сводится к классической представительной демократии, поскольку интересы личности в «Державе» гармонизированы с интересами народа, и это является необходимым условием существования самой «Державы». Поправление властью интересов народа, проявляемое в какой бы то ни было

точке общества, воспринимается россиянами за счет внутреннего ощущения единства всех всеми в макрообщности очень болезненно, как собственная проблема. И хотя случаи нарушения индивидуальных прав в современной России не носят повсеместного характера, непосредственно затрагивая лишь четверть населения страны, это не означает, что интересы россиян как единого народа не ущемляются – такое количество нарушений генерирует ощущение тотальной несправедливости, нарушающей интересы всей макрообщности. Это значит, что, поскольку государство «получает от населения мандат легитимности на практически необъятные властные и имущественные права одновременно с делегированием ему ответственности за положение его граждан и принятие решений, касающихся страны в целом»⁹, власть несет и персональную ответственность перед россиянами за свои действия, что зачастую ее представителями на местах осознается слабо. Таким образом, *державное восприятие общества в сознании россиян не просто не предполагает тоталитаризма и деспотизма, а напротив – метафизически им противопоставляется, заключая в себе ценностно-нормативный механизм уравнивания всевластия государства принципом «вселенской справедливости» и учета интересов всех. В противном случае общественное сознание допускает и легитимирует борьбу с ним, осуществляемую в разных формах, в том числе и в формах хорошо известного по русской истории коллективного саботажа либо русского бунта.*

При этом, как уже отмечалось в главах первого раздела данной книги, россияне очень критично оценивают успехи российской «власти» в реализации основных функций государства, в том числе – и по причине ее коррумпированности и фактической приватизации государства чиновничеством. В результате такой модели ее действий, воспринимаемой населением как фактический отказ власти от реализации своих функций в рамках вышеописанной модели «державности», *служение стране и интересам своего народа уже отнюдь не является сегодня для россиян безоговорочной ценностью. Готовность к такому служению все в большей степени носит консенсусный характер и зависит от поведения власти, бюрократизация и коррумпированность которой разрушают ту систему норм и ценностей, в которой именно государство является «становым хребтом» нации и общества.* В этом ключе зафиксированное в исследованиях последних лет быстрое размывание основ легитимности идеи всевластия государства и приоритетности его интересов¹⁰ нужно воспринимать во многом как реакцию населения на отрыв власти от народа, а также на ее забюрократизированность и коррумпированность. Так, если противоречия между чиновниками и гражданами, к ним обращающимся, в числе основных конфликтов современного российского общества называют 25% россиян, то противоречия между властью и народом – 32%. Принимая во внимание тот факт, что зачастую об этих противоречиях говорят одни и те же люди, можно заключить, что в общей сложности *о противоречиях между обществом и государством в двух ипостасях последнего («власть» и «чиновники») говорило осенью 2015 г. около половины российского населения (49%). Это*

⁹ Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995-2010 годы // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 13.

¹⁰ Там же.

намного больше, чем говорило в тот момент о противоречии между богатыми и бедными (37%) (рис. 4.1.3).

При этом консолидация нации в условиях западных санкций и ощущения идущей от Запада угрозы привела к некоторому снижению за время кризиса противостояния государства (во всех его ипостасях) и общества с одновременным ростом напряженности в трудовой сфере (рост значимости противоречий между собственниками предприятий и наемными работниками, а также между бюджетниками и работниками частных фирм). Более того – ощущение необходимости консолидации нации перед лицом внешней угрозы способствовало не только смягчению остроты восприятия конфликта власти и общества и, особенно, чиновников и рядовых граждан, но и других не связанных со сферой труда конфликтов. Так, например, в ходе кризиса произошло резкое снижение численности тех, кто в числе наиболее острых противоречий российского общества называл противоречия между русскими и нерусскими, местными и приезжими или православными и мусульманами (рис. 4.1.3). Эта же тенденция проявилась и в росте с 6% до 11%, несмотря на кризис, числа тех, кто считал, что в российском обществе вообще нет острых противоречий.

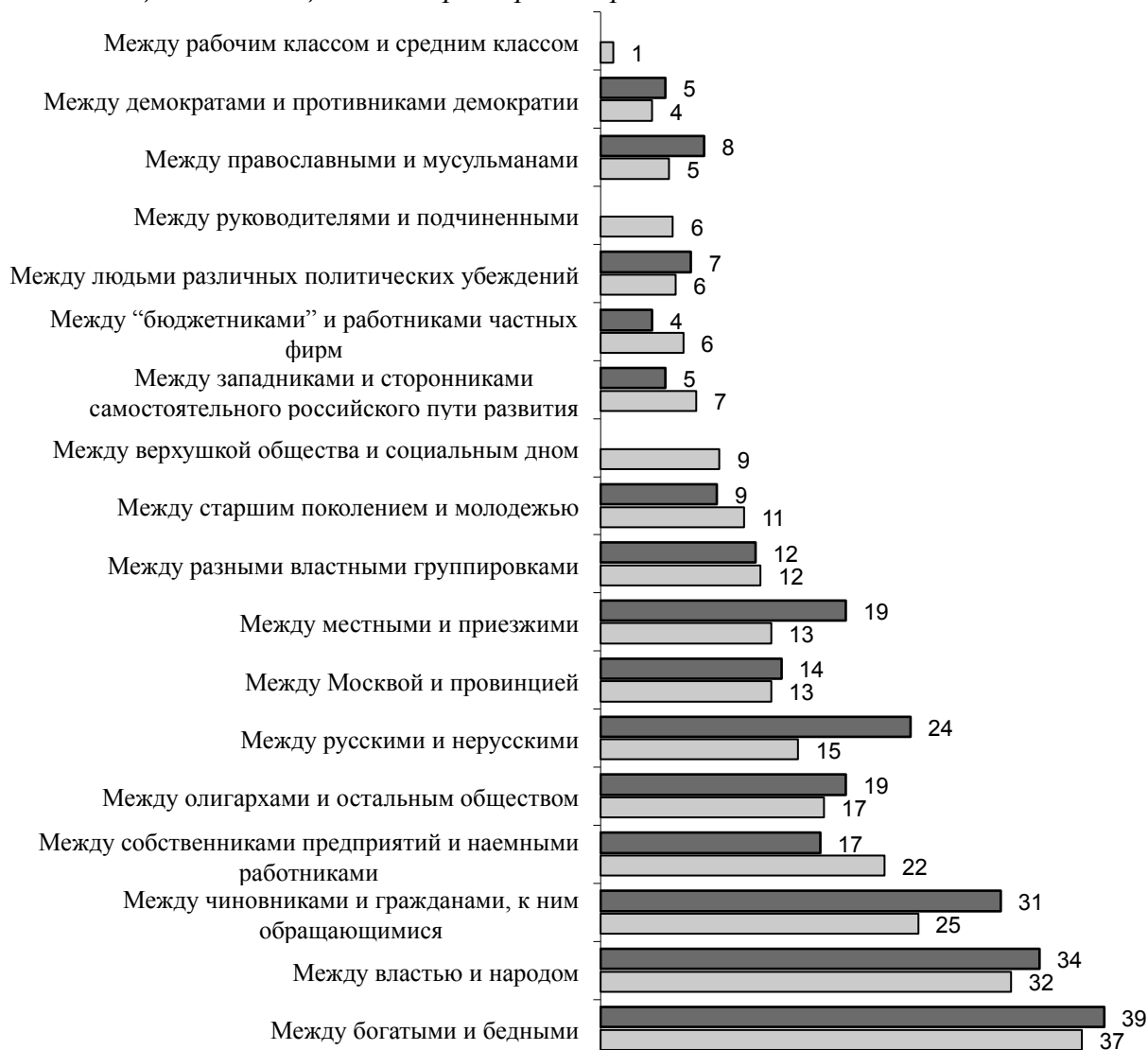

Рис. 4.1.3. Динамика основных противоречий российского общества в оценках населения, 2014-2015 гг., % (допускалось до трех ответов)¹¹

В этом контексте понятнее и динамика восприятия россиянами противоречий за более длительный период. Так, например, из рисунков 4.1.3 и 4.1.4 видно, что противоречие между богатыми и бедными, занимавшее первое место среди других позиций в октябре 2015 г., в предыдущие годы было выражено сильнее. В 2013 г. оно волновало более половины россиян, а в 2003 г. – 45%. Но если восприятие отношений между богатыми и бедными как конфликтных к 2015 г. заметно ослабло, то выбор в пользу противоречий между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, в числе основных конфликтов современного российского общества был все последние годы очень устойчив и на протяжении 12 лет практически не менялся, сократившись только в последний год на фоне общей консолидации нации. Сокращение на этом фоне важности этно-религиозных противоречий говорит, с одной стороны, о ситуативности этого типа противоречий в современной России, а с другой – о гораздо большей болезненности для россиян и фундаментальном характере противоречий между государством и обществом.

Рис. 4.1.4. Динамика некоторых противоречий российского общества в оценках населения, 2003-2015 гг., % (допускалось до трех ответов)¹²

¹¹ Здесь и далее данные по противоречию между собственниками и работниками приведены в процентах от работающих. Часть данных по 2014 г. отсутствует, поскольку соответствующие позиции в инструментарии проводившегося в феврале-марте 2014 г. исследования «Средний класс в современной России» отсутствовали.

Как видно из рисунков 4.1.3 и 4.1.4, общество болезненно реагирует на пассивную позицию власти по ликвидации несправедливости – ведь гарантия справедливости является ключевой для её легитимизации функцией власти в неэтакратической модели общества. Именно эта функция власти ставится под сомнение с ростом несправедливости в стране из-за текущего кризиса. Если еще весной 2014 г. лишь четверть населения отмечала, что в обществе растет несправедливость, то к осени 2015 г. эта доля возросла до 35%.

Забота власти о своем народе является незыблемым принципом жизни общества, в котором стержнем всех процессов и общественного равновесия является государство. Это прежде всего «забота о минимальных текущих нуждах членов этой общности»¹³, а также возросшая в последние годы потребность населения в солидарности, обеспечивающей помощь и заботу в отношении тех, кто не преуспел (рис. 4.1.5). А таких в России немало, и, как показывают результаты 3-й волны Мониторинга ИС РАН, в ближайшем будущем их станет еще больше. Очевидно, что речь идет не только об усугубившейся в кризис бедности населения, но и о болезненном восприятии неравенств в современной России в таких сферах как неравенство доходов, жилищных условий, неравенства в доступе к медицинской помощи, а также образованию и хорошим рабочим местам.

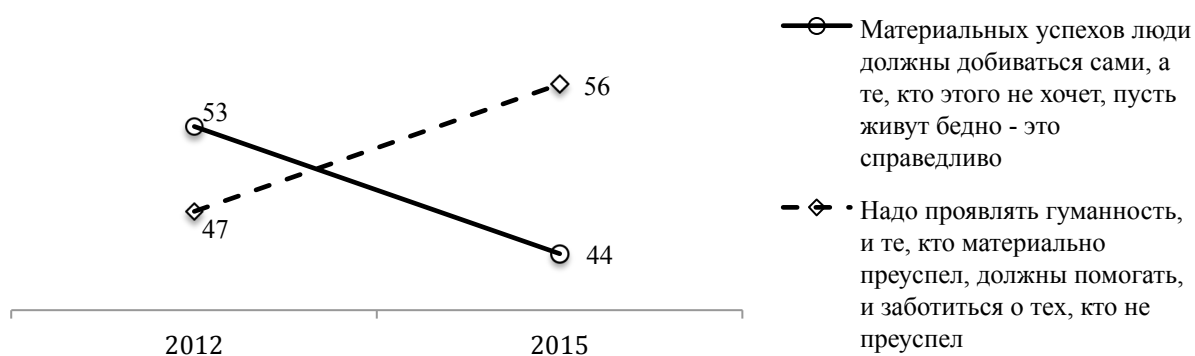

Рис. 4.1.5. Динамика распространенности ценностей индивидуализма и солидарности среди россиян, 2012-2015 гг., %

При этом ошибочно полагать, что структурное насилие со стороны обладателей власти осуществляется сегодня в России лишь «зарвавшимися чиновниками». Принуждение вне рамок закона, вызывающее болезненно переживаемое россиянами чувство «подневольности», бесправия обнаруживает себя во всех сферах их жизни, в том числе – и на их работе. Скрываясь подчас под вывеской «эффективного менеджмента», насилие и несправедливость на работе проявляет себя в форме использования текущей конъюнктуры в интересах работодателя и сопровождается ростом нормы эксплуатации, отсутствием социальной защищённости работ-

¹² Позиция «противоречия между властью и народом» была включена в опросы лишь в 2005 г., 2014 г. и октябре 2015 г. Соответственно, данные по этому показателю приведены за эти временные точки, так что 2008 г. на рисунке 4.1.4. по нему соответствует 2005 году, а точка 2013 г. отражает данные за 2014 г.

¹³ Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995-2010 годы // Ответственные науки и современность. 2011. № 4. С. 13.

ников и т.д. Не случайно противоречие между собственниками предприятий и наемными работниками вышло в общем списке наиболее острых противоречий российского общества на третье место после противоречия между обществом и государством, а также противоречия между богатыми и бедными. Более того, значимость данного противоречия непрерывно растёт все последние годы. Российский бизнес сам усугубляет эту ситуацию, внося риски вертикальных конфликтов внутрь организаций еще на этапе найма рабочей силы. Так, противоречие между собственниками и наемными работниками чаще всего называется теми работающими россиянами, для кого не соблюдается их законное право на официальное оформление на работу по письменному трудовому контракту или по приказу, а также другие законодательно предусмотренные права работников (на оплату отпуска, больничного и т.д.).

В этом контексте очень значимо, что за время кризиса резко увеличилась численность тех, чьи трудовые права нарушаются (табл. 4.1.1.). Более того, теперь трудовые права в той или иной степени нарушаются уже у большинства работающих россиян, хотя еще весной 2014 г. картина была иной – у большинства они все-таки соблюдались, а доля имевших тогда какие-то дополнительные социальные блага по линии работы тогда была в 2,5 раза выше, чем осенью 2015 г. Впрочем, в таблице 4.1.1 не учтены те, кто не получает полагающуюся им оплату за сверхурочные. Если же учесть и тех, для кого нарушается это их право, то доля трудящихся, у которых со стороны работодателя не соблюдается хотя бы одно из этих трудовых прав, вырастет почти до 80% всех работающих россиян. При этом у каждого четвертого работника соблюдается не более одного из его трудовых прав (и в трех четвертях случаев это просто своевременная выплата заработной платы по устному соглашению и без каких-либо социальных гарантий).

Таблица 4.1.1

Динамика социально-экономической защищенности россиян на рабочем месте, 2014/2015 гг., % от работающих

Показатели	2014	2015
Своевременная выплата з/п	92	89
Официально оформлены на работу	76	70
«Белая» зарплата	66	63
Оплата отпуска и больничного листа	68	60
Соблюдаются все эти права	56	47
Имеют дополнительные социальные блага	15	6

Несмотря на то, что нарушения прав работников в сфере трудовых и производственных отношений встречаются во всех профессиях и отраслях, наибольшее давление этой порочной практики нашего бизнеса приходится на тех работников, кто обладает низкой квалификацией, а также заняты рутинным или физическим трудом, и, соответственно, имеет более шаткие позиции на рынке труда. Поэтому ощущение остроты конфликта между собственниками предприятий и их работниками характерно в большей степени для рабочих (26% в 2015 г.) и работников предприятий, находящихся в негосударственной собственности (также 26%). Чаще всего ощущают это противоречие представители традиционного рабочего класса (высоко- и среднеквалифицированные рабочие – в 33% случаев), а также рядовые работники торговли и

сферы обслуживания, положение которых близко к положению традиционного рабочего класса по многим параметрам¹⁴. Это новая тенденция – еще несколько лет назад ощущение этого конфликта как значимого¹⁵ характеризовало в первую очередь пожилых россиян, работавших на предприятиях государственной формы собственности, а также пенсионеров, и было скорее идеологической нормой, чем результатом реального конфликта интересов. Сейчас же ситуация начала быстро меняться. Это также свидетельствует об изменениях, идущих в сфере производственных отношений и производственной культуры в России.

Использование российским бизнес-сообществом ситуации кризиса в целях более полной реализации своих интересов сказывается в большей степени на самой власти, чем на бизнесе. Данные показывают, что подавляющее большинство вопиющих нарушений работодателями прав россиян в трудовой сфере бумерангом отражаются не столько на отношениях собственников и наемных работников, сколько на ценностно-нормативном консенсусе, который сложился в обществе, а именно на легитимности власти, несущей ответственность за «Державу» вообще и справедливость действий работодателей в частности. Лакмусовой булавкой таких рисков является место восприятия россиянами, чьи трудовые права нарушаются, отношений между властью и народом в рейтинге наиболее острых противоречий современного российского общества. О том, что именно этот показатель может служить индикатором рисков для легитимности власти говорит статистически значимая сопряженность этого показателя с явным недоверием Президенту, Правительству, Государственной Думе и органам местного самоуправления (42%, 35% и 36%, соответственно), а также нежеланием поддерживать деятельность В. Путина на посту президента России (39% против 32% по населению).

Более того – среди работников, которым работодатели задерживают своевременную выплату заработной платы, доля россиян, уверенных в том, что наиболее острые противоречия сейчас существуют между властью и народом, составляет 44%, что превышает средние значения этого показателя в 1,3 раза. Среди работников, получающих зарплату «в конвертах», их доля также значимо выше средней и доходит до 36%. Среди россиян, которым не обеспечивается оплата отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размерах, доля называющих противоречие между властью и народом в числе наиболее острых доходит до 35%. Наконец, этот показатель составляет 34% при 22% по россиянам в целом среди тех, кому российские работодатели не оплачивают сверхурочные в случае их наличия.

Таким образом, если к обострению отношений между собственниками и наемными работниками приводит прежде всего нарушение прав работников на этапе найма, то от-

¹⁴ См.: Ильин В.И. Белые воротнички в современной России: новые средние слои или конторский пролетариат? // Рубеж (альманах социальных исследований), 2002, № 15. Стоит обратить внимание, что рядовые работники торговли и сферы обслуживания сравниваются с рабочими не только в России. Так, Э. Райт причислял эту группу занятых к рабочему классу в силу низкой степени контроля за собственным трудом (Wright E. Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. - Cambridge: Cambridge University Press. 1997). На близость позиций этих групп работников в их поведенческих стратегиях и установках указывали и российские авторы (Anikin V.A. Motivation to work in Russia: the case of protracted transition from non-competitive to competitive system // The Journal of Comparative Economic Studies. 2013. Vol. 8.; Каравай А.В. Российские рабочие: финансовое поведение и установки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2).

¹⁵ Респонденты должны были выбрать три наиболее острых для сегодняшней России типа конфликтов из 15 позиций.

ветственность за последующие нарушения прав сотрудников в процессе работы перекладывается населением на плечи действующей власти, обязанной в восприятии населения следить за работодателями и обеспечивать среду и условия, в которых подобное «издевательство» над народом стало бы невозможным. Иначе говоря, нарушая права работников бизнес «подставляет» власть, и игнорирование властью этой проблемы может нивелировать в глазах россиян успехи, достигнутые за последнее время на ниве укрепления международных позиций России, борьбы с коррупцией, а также в некоторых сферах социальной политики – например, доступности дошкольных детских учреждений.

Особенно высока вероятность роста конфликтного восприятия отношений между властью и народом на фоне резко возросшего за последний год числа россиян, отмечающих ухудшение ситуации с безработицей и возможностью зарабатывать за время последнего президентства Владимира Путина. Так, популярность такого взгляда на отношения между властью и народом среди россиян, для которых ухудшилась ситуация в сфере безработицы и возможности зарабатывать, равно как и индивидуальная ситуация с их материальным положением, составляет 34%, 35% и 36%, соответственно. Еще одним косвенным свидетельством того, что для многих россиян легитимность действующей власти зависит от их личной ситуации в производственной сфере, выступает тот факт, что популярность конфликтного восприятия отношений между властью и народом выше среди россиян, от мнения которых на работе ничего не зависит (34%), а также испытавших за последний год проблемы с работой (42%).

Для некоторых из россиян, пострадавших за время кризиса от действий работодателей, осложнение ситуации в сфере занятости оборачивается также серьезным понижением их социально-экономического статуса, что, в свою очередь, приводит к пессимистичным оценкам ситуации в России в целом и разрушению консенсуса власти и личности. Так, среди россиян, оценивающих ущерб, нанесенный нынешним экономическим кризисом как катастрофический, 44% считают, что нынешняя власть находится с народом в остром противоречии. Среди тех, кто считает, что в России за последний год произошли значительные перемены к худшему, этот показатель составляет 42%; среди убежденных в том, что «страну ждут трудные времена», – 35%.

Конфликтное восприятие отношений между властью и народом опасно еще и тем, что оно сопряжено с восприятием ситуации в обществе через призму «существенно возрастающих напряжений», 36% их именно так оценивали сложившуюся в России ситуацию осенью 2015 г. При этом нельзя сказать, что оценка отношений между властью и народом в контексте противоречий между ними движима сильным эмоционально-психологическим зарядом, например, чувством агрессии или озлобленности. Скорее наоборот – эта оценка чаще всего сопряжена с состоянием безразличия и апатии (38%), а также чувством раздражения (41%).

Таким образом, сегодня происходит нарастание конфликтного потенциала среди населения России, причины которого лежат в сфере производственных отношений. Однако направлен он при этом в основном на власть, которая в представлениях россиян оторвалась от своего народа и не проявляет о нем заботу в трудную минуту экономических потрясений и притеснений. Вероятность того, что этот потенциал удастся развернуть в область клас-

сических противоречий капиталистического общества, коими в западной модели развития являются противоречия между собственниками предприятий и наемными работниками, крайне мала в силу доминирующей среди населения ценностно-нормативной системы, стрессом которой является государство, замыкающее на себя ответственность за все ключевые сферы жизни общества.

Несмотря на тлеющее в обществе напряжение, сохранение общественного порядка является все же доминирующей нормой населения современной России (76%), которая в равной степени касается всех социально-экономических и большинства профессиональных групп (рис. 4.1.6.). А вот оставшиеся 24% (что при нынешней численности населения страны составляет порядка 35,6 млн. человек)¹⁶ потенциально готовы пожертвовать общественной стабильностью ради своего права на забастовку или демонстрацию.

А) Гражданин не должен иметь право на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку

	□ Полностью согласны	□ Частично согласны	□ Полностью не согласны
Руководители, предприниматели и самозанятые	25	43	32
Профессионалы	24	55	21
Прочие работники нефизического труда	25	50	25
Рабочие	25	52	23
Справочно: население в целом	25	51	24

Б) В любом обществе существуют конфликты, которые могут быть решены только посредством насилия

	□ Полностью согласны	□ Частично согласны	□ Полностью не согласны
Руководители, предприниматели и самозанятые	10	39	51
Профессионалы	11	39	50
Прочие работники нефизического труда	11	37	52
Рабочие, в т.ч.:			
от 5 разряда	8	49	43
3-4 разряд	22	40	38
1-2 разряд и без разряда	16	42	42
Справочно: население в целом	11	40	49

¹⁶ Без учета Крымского федерального округа население России по оценке ФСГС РФ на 1 августа 2015 года составляло 143 972 400 человек. См. ФСГС РФ. Официальный сайт. Оценка численности населения на 1 января 2015 года и в среднем за 2014 год (человек). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/Popul2015.xls (обновлено 21 декабря 2015 г.).

Рис. 4.1.6. Распространенность норм активистской позиции и представлений о допустимости насилия в разных социально-профессиональных группах¹⁷, 2015 г., %

Россияне, готовые пожертвовать общественной стабильностью ради права на забастовку или демонстрацию, заслуживают самого пристального внимания, поскольку наиболее часто готовность к деструкции общественного порядка ради права уличной демонстрации или забастовки высказывается предпринимателями и самозанятыми, а также руководителями всех уровней управления, то есть теми, кто имеет заведомо больший, чем население в среднем, ресурс личного влияния на рабочем месте (табл. 4.1.2), к тому же, в отличие от других групп, практически не сокращающийся с годами.

Таблица 4.1.2

Динамика ресурса влияния на принятие решений у разных профессиональных групп, 2003-2015 гг., %

Ресурс влияния	Руководители, предприниматели и самозанятые			Профессионалы			Прочие работники нефизического труда			Рабочие		
	2003	2014	2015	2003	2014	2015	2003	2014	2015	2003	2014	2015
В рамках всего предприятия	44	33	40	8	5	7	4	3	5	1	3	4
В рамках своего подразделения	42	50	44	46	45	55	25	22	30	16	16	21
От них на работе вообще ничего не зависит	14	17	16	46	50	37	71	77	65	83	81	75

Если говорить об устойчивости позиций ценностного большинства, то из рисунка 4.1.6 (А) видно, что для половины населения (51%) признание приоритета общественного порядка над правом на забастовки и демонстрации носит все-таки не безоговорочный, а условный характер, и можно ожидать, что при поддержке лозунгов этих акций протеста для основной массы россиян нарушение правопорядка будет оправдано и легитимно. Настораживает и то, что из всех профессиональных групп первую строчку в этом списке могут занять профессионалы, среди которых больше всего сторонников (55%) именно условного признания приоритета общественного порядка над правом на забастовки и демонстрации. Это связано, прежде всего, с увеличивающимися неравенствами и критическим отношением профессионалов к организации политической жизни. Так, в среде руководителей и ядре среднего класса, облик которого формируют профессионалы, занятые в третичном и четвертичном секторах экономики, уровень понимания того, что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции, заметно выше, чем в среднем по России (52% и 44% соответственно против 38%) (рис. 4.1.7 (А)).

¹⁷ Здесь и далее руководители включают в себя управленцев всех уровней; профессионалы – специалистов, работа которых предполагает наличие высшего образования; прочие работники нефизического труда – полупрофессионалов, клерков, рядовых работников в сфере торговли и бытового обслуживания; рабочие – работников физического труда всех уровней квалификации.

Таким образом, сторонники и потенциальные сторонники забастовок и демонстраций – это не маргинальные группы населения, а передовая часть общества. Именно они работают в органах управления страны, учат и лечат россиян, создают то информационное поле, в котором они живут, определяют успешность развития промышленности и финансовой сферы России и т.д. Поэтому взгляды и интересы этой группы игнорировать никак нельзя. Более того, если кто-то и может выступить союзником власти на пути к структурным реформам, то это именно российские специалисты, которые на сегодняшний момент пока ещё более других социальных групп склонны к конструктивному диалогу с властью, считая, что власти нужно помогать, а не просто ее ругать. Так, 39% профессионалов полностью поддерживают норму, что оппозиция должна не критиковать правительство, а ему помогать. Вкупе с тем, что среди них реже, чем в целом по России, встречается враждебное восприятие власти, *это свидетельствует о выполнении российским средним классом традиционной функции русской интеллигенции по сохранению и воспроизводству наиболее полной и умеренной версии общенациональной идеи державности*. И хотелось бы верить, что власть не вынудит представителей этой группы перейти на иные идеологические позиции.

А) Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции

	☐ Полностью согласны	☐ Частично согласны	☐ Полностью не согласны
Руководители, предприниматели и самозанятые	49	42	9
Профессионалы	41	50	9
Прочие работники нефизического труда	38	52	10
Рабочие, в т.ч.:			
от 5 разряда	29	62	9
3-4 разряд	38	51	11
1-2 разряд и без разряда	35	60	5
Справочно: население в целом	38	53	9

Б) Задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказать помощь в его работе

	□ Полностью согласны	□ Частично согласны	■ Полностью не согласны
Руководители, предприниматели и самозанятые	32	54	13
Профессионалы	39	49	11
Прочие работники нефизического труда	32	54	14
Рабочие, в т.ч.:			
от 5 разряда	24	61	15
3-4 разряд	33	55	12
1-2 разряд и без разряда	34	54	13
Справочно: население в целом	33	54	13

Рис. 4.1.7. Восприятие политической оппозиции в разных социальных группах, 2015 г., %

Еще один существенный вопрос, который обычно выпадает из поля зрения российских социологов, – это легитимность для россиян насилия как инструмента для разрешения спорных ситуаций в борьбе за свои интересы. Вопрос этот очень значимый, поскольку в России сохраняется значительная доля общества, которая на уровне установок полностью или частично поддерживает насильственные методы по решению конфликтов в обществе (51%). Проблема не только в том, что существует потенциал физической угрозы институтам власти, но и в том, что готовность применения силы многократно усложняет разрешение всех конфликтов мирными способами и создает тем самым дополнительные факторы углубления конфликтов, которые «вытесняют из сознания сторон исходную причину конфликта»¹⁸.

Тем не менее, при таких, на первый взгляд, пугающих цифрах, речь идет, конечно, скорее о социально-психологической установке в отношении насилия, чем о реальной готовности его применять. Так, респонденты, готовые пожертвовать социальным порядком ради возможности участия в митингах и забастовках, куда в меньшей степени, чем в среднем население России (41% против 51%) рассматривают насилие как допустимый способ разрешения конфликтов в обществе, т.е. для них за этими действиями скрываются обычно мирные и ненасильственные действия, и большая часть россиян, готовых выйти на митинги или принять участие в забастовках (59% их или 14% от всего российского населения), вопреки расхожему мнению, не допускает и не оправдывает применение насилия как способа разрешения каких бы то ни было конфликтов. Таким образом, это умеренная часть активного меньшинства.

В целом же, полученные социологические данные говорят скорее в пользу проводимой сегодня в России жесткой политики в сфере массовых выступлений. Не только российским властям, но и всему обществу есть чего опасаться, когда численность россиян, для которых социальный порядок не представляется ценным и которые склонны оправдывать необходимость применения насилия безысходностью создавшейся ситуации, насчитывает 10% всего

¹⁸ Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М.: Аспект-Пресс. 1996. С. 97.

населения страны. Этим людей по праву можно назвать радикалами, и некоторые из них представляют реальную угрозу в силу статистически более высокого уровня агрессии в их среде. Однако было бы неправильно всю вину за их позицию перекладывать только на радикально настроенное меньшинство – большая их часть относится к числу неблагополучных граждан России, занимающих очень непрочные позиции на рынке труда и обладающих крайне низким запасом ресурсов для самостоятельного конструктивного решения своих жизненных проблем.

Подведем итоги.

Возвращаясь к вопросам, поставленным в начале главы, первое, что необходимо отметить, – это то, что в России сохраняется доминирование ценностно-нормативной системы, характерной для обществ «неоэтакратического» типа, стержнем которой является особая роль государства. Однако это отнюдь не подразумевает потребности в тоталитарном строе. Напротив, это следствие специфического для России восприятия общества как ипостаси «Державы». При таком восприятии государство от общества неотделимо, а власти выдается мандат на справедливую заботу о своем народе. Воплощение державной модели в глазах россиян предполагает всеобщую солидарность в отношении граждан и помощь тем, кто не преуспел или попал в беду. Носителем державного понимания общества и державной версии патриотизма является подавляющая часть российского населения, а не какие-то конкретные социальные группы, и за ощущением «Державы» у россиян стоит чувство общности друг с другом как представителями единого целого, существование которого основано на единстве взглядов на жизнь, норм и ценностей.

Такое восприятие отношений государства и общества для населения страны лежит в русле понимания России как особой цивилизации, что, являясь отличительной особенностью русского национального самосознания, оказывается социетальной скрепой всей макрообщности. Национальная модель самосознания включает при этом также «мы-идентичности», близкие к европейским, несмотря на то, что в полной мере европейцами себя ощущают лишь 8% населения. Наличие таких двойственных идентичностей (с важностью как идентичностей микро-, так и макроуровня) свидетельствует о наличии социокультурного основания для органичного сосуществования России со странами Запада при сохранении ее в границах национальных устоев. Это те позитивные функции сложившейся в России ценностно-нормативной системы, которые обеспечивают сегодня стабильное существование общества и даже мобилизацию человеческого потенциала страны для решения общенациональных задач. Социальной базой для решения этих задач может выступить средний класс как выразитель наиболее умеренной и полной версии национальной модели представлений об обществе.

Опасной при определенных условиях стороной этой модели взаимоотношений общества, государства и личности является то, что именно государство является ответственным за нарушения консенсуса в обществе, даже в случаях, когда власть не является источником таких нарушений. Как показывают результаты Мониторинга ИС РАН, возросшие в кризис случаи нарушения индивидуальных прав российских работников (преимущественно представителей рабочего класса) по вине российского бизнеса увеличивают у россиян ощущение того, что власть «оторвалась от народа» и находится с ним в остром противоречии. Противоречия меж-

ду обществом и государством во всех его ипостасях ощущают в итоге около половины российского населения, что несет в себе колоссальную угрозу существующей власти, хотя консолидация нации под влиянием давления Запада несколько смягчила за последний год это противоречие. Наиболее опасным субъектом в данном процессе являются руководители разного уровня как наиболее активные сторонники критики власти, чаще других готовые пожертвовать даже социальным порядком ради сохранения права на защиту своих интересов.

Серьезно увеличивают риски социальных конфликтов и делегитимация власти также снижение социальной защищенности работников и наступление работодателей на их права под предлогом кризиса, которые все шире распространяются в условиях экономической рецессии. Власти необходимо более внимательно следить за ситуацией на рынках труда с фокусом внимания на рабочие специальности. Не стоит полагаться на терпение русского народа в надежде на то, что проблема «сама рассосется» и бизнес по своей воле перестанет притеснять трудящихся. В рамках ценностно-нормативной модели общества, в которой государство является стержнем общественной жизни, российские трудящиеся могут надеяться только на государство как единственный гарант соблюдения их прав и интересов. Активная роль государства сегодня очень востребована обществом, особенно когда институциональные возможности населения донести свои чаяния до власти, как и возможности бороться за свои права оставаясь в рамках закона, сильно ограничены.